

Культура. — 1998. — 14-20 мая. — с. 10

У черты, где вечное — МГНОВЕННО

Штрихи к портрету Льва Кубланова

У той черты, где так завораживающе подступает к глазам все, с чем соединились, срослись наши “недавно” и “давно”; у той черты, где дерево связывает собой не просто землю и небо, но наши вчера и завтра, а покосившийся угол особняка озвучивает под ветром московский закоулок то ли грустным вздохом, то ли удивленным междометием; у той черты, позади которой многих из нас еще не было, а заступить за которую не каждому будет дано судьбой, — у нее, у этой черты, ненадежной и зыбкой, как само время, и задержался взгляд московского художника Льва Кубланова. А задержавшись, материализовался в акварель, черную тушь, гуашь, сепию, в лист бумаги или лист картона, с ограниченными на них простой рамой островами дворцов и скатами крыш, с шершавыми стволами вековых деревьев, с узкими торцами домов и домиков.

Почему так притягивают к себе эти неброские вроде бы работы, малая часть которых выставлена на май месяц в залах Центра либерально-консервативной политики?

Меня — потому, что в них узнаваема моя Москва: вот где-то позади этого наполовину деревянного двухэтажного строения угадывается проход к жильству моих деда и бабушки, к маминому детству, к ее школе в Старокопненском переулке... А вот здесь — не сразу и сообразишь, что это за переулочек или что это за взгорочек, — здесь я бывала не раз, торопясь, почти не глядя по сторонам, подсознательно вбирая в себя и стершуюся бровку тротуара, и трещины на асфальте, и словно бы стесняющееся своей старомодной ветхости крыльцо... А вот на этой улице — на Большой Никитской, с ее словно бы вросшей в землю церковью Феодора Студита, с ее величественным “пушкинским” Большим Вознесением, со старинной усадьбой, заманивающей в себя взгляд, здесь звучат и по сей день шаги и голоса моих товарищей “старшего” поколения — Юлии Друниной, Бориса Слуцкого, Юрия Нагибина, Булата Окуджавы, а там уже, за ними, — и моих ровесников, а там уже и тех, кто идет (уже пришел!) нам на смену...

И все это еще живо, все это еще помнит о каждом из нас и, слава Богу, само пока еще не превратилось всего лишь в память, в иллюзорность отшумевшего бытия, в ускользающую картинку ушедшей жизни. Но что-то уже и кануло безвозвратно за черту: нет больше вот этого дерева у “Дома Ростовых” (Союз писателей) на Поварской — оно и многие соседние с ним спилены, словно выравнены с до боли знакомой фотографии, хотя кублановский рисунок оставил это дерево навечно живым. Вечное и мгновенное — на стыке их всегда балансируют вдохновение, лю-

Л.Кубланов. “Старая усадьба на Большой Никитской”

бовь, творчество.

Художник родился в Москве в 1946 году. Рисовать, точнее, срисовывать попробовал ребенком: копируя портреты — в духе того времени — “великих вождей”. Получалось неожиданно легко. Потом — изостудия в городском Доме пионеров. “Художник — это не профессия”, — наставляли — опять же в духе того времени — родители. В итоге, получив среднее и высшее архитектурное образование, он проработал 20 лет в различных московских проектных организациях, придя к неутешительному заключению: “Москва — не лучшее место в мире для проектирования и строительства”.

Вот уже 12 лет Лев Кубланов рисует Москву.

— С 1985 по 1990 год на нее было страшно смотреть, — вспоминает он, — все разрушалось, осыпалось, ветшало на глазах. Заглянешь во двор, зайдешь в старый московский дом — всюду запах тления. Наверное, поэтому все мои рисунки того времени черно-белые. Сейчас Москва начала преобразовываться. Но свежеставрированное здание — еще не объект искусства, не тема для художника: оно пока неросло, не вжилось в наше время. Я рисую старую, неотреставрированную Москву, но теперь я делаю это с другим настроением, у меня появился цвет...

— Он у нас страшно плодovit! — добродушно смеется жена худож-

ника, — его работы с многочисленных московских выставок, с вернисажей Австрии, Франции и Германии перекочевали во многие частные коллекции в этих странах, даже в США, Японии, Израиле, Польше их можно встретить...

А я ухожу из старинного московского особняка, в залах которого разместилась выставка московской графики Льва Кубланова, теми же самыми переулками и улочками булгаковской и цветавской Москвы, по которым — от рамы до рамы — еще недавно блуждал мой взгляд. Я иду по знакомым бульварам, вдоль знакомых чугунных решеток, под таким знакомым и всегда таким новым московским небом. И торопится мимо меня в завтрашний день молодой прохожий, и мелькает во дворе у Патриарших прудов одинокий дворик, и тормозит на перекрестке у Остоженки металлически поблескивающая “ауди”, и стремится взгляд на закат с покосившейся мансарды неподвижная ворона, и детский смех доносится из распахнутого настежь окна, и — вечность входит в прямой контакт с кратким мгновением...

— Москва, — окликаю я дорогу мне попутчицу, — оглядись, Москва: много ли у тебя, сегодняшней, таких внимательных, таких одаренных и преданных летописцев?

Татьяна КУЗОВЛЕВА